

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени кандидата
исторических наук Иванова Валерия Алексеевича на тему:
«Заместительные обряды в религиозной традиции Анатолии
II тысячелетия до н.э.» по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертационная работа В.А. Иванова представляет собой компактное, высокопрофессиональное исследование актуальной и представляющей большой научный интерес темы. Актуальность работы определяется общим значением ее темы (определенная категория хеттских и иных ритуалов), что приобретает дополнительную ценность в связи с повышенным вниманием самих хеттов к сбору и использованию разнообразных ритуалов и вопросам ритуального обеспечения безопасности, достаточным вниманием, которое проявлялось к ней в литературе, и способностью диссертанта, несмотря на это внимание, высказать по своей теме полноценное новое слово. Автор продемонстрировал отличный уровень владения историографией вопроса, способность самостоятельно ставить и разрешать исследовательские вопросы, полностью учитывать, анализировать и сопоставлять все релевантные данные источников. Исследование отлично структурировано, построения автора логичны сами по себе и увязаны друг с другом в стройное целое.

Выбор и постановка задач полностью отвечают теме исследования: автору предстояло заново проверить и свести весь релевантный материал источников и их возможных интерпретаций, уточнять и выявлять особенности и состав соответствующей терминологии, перевода и понимания, детально установить структуру, назначение и содержание соответствующих ритуалов (здесь нет надобности проследивать оригинальные исследовательские решения, предложенные автором по этим вопросам – они многочисленны и профессиональны); рассмотреть их на фоне аналогичного анатолийского и месопотамского материала и оценить

возможности месопотамских и анатолийских влияний на соответствующие хеттские ритуалы (как в плане содержания ритуала, так и в плане его назначения и ситуаций его проведения) и степень реализации этих возможностей (здесь надо отметить прежде всего пересмотр и коррекцию автором укоренившихся представлений о распространении подменного обряда в Месопотамии и ее влиянии на исследуемые хеттские ритуалы). Автор также развивает и предлагает удобные классификации.

Научная новизна и оригинальность работы несомненны и, помимо ряда конкретных аргументов и решений (в том числе по включению в корпус данных новых фрагментов), включает всестороннее сопоставление двух категорий релевантных обрядов: частных и царских ритуалов соответствующей тематики; широкое обращение к вопросам назначения и реального бытования исследуемых обрядов; рассмотрение их в максимально широком контексте заместительной обрядовой практики в масштабах всего анатолийско-(сиро)-месопотамского пространства.

Основными достижениями автора являются: сводный учет обрядовой терминологии с разбиением ее на хетто-лувийский и сиро-месопотамский комплексы при установлении того факта, что хетты не придавали этому вопросу особого значения и свободно сочетали термины из обоих комплексов в одном и том же тексте (в чем можно видеть очередной пример синкретизма хеттской культуры, проявляющегося и во множестве других сфер); вывод о том, что царский заместительный обряд Хагги был столичной государственной инновацией, использовавшей прежде всего материал магических практик Анатолии, в то время как месопотамского влияния в этой сфере не было вовсе (автор считает, кроме того, что и влиять тут было нечему, так как, по его мнению, в Месопотамии II тыс. до н.э. вообще не существовало практики царских подменных ритуалов, и это единственный значимый момент, в котором мы считаем возможной некоторую коррекцию его построений, не затрагивающую, впрочем, его главного вывода, с нашей точки зрения надежно обоснованного автором независимо от этого вопроса:

месопотамского влияния на хеттский царский подменный ритуал не было); при изобретении царского подменного ритуала специалисты, занимавшиеся им, в частности, комбинировали элементы, полученные ими из ритуальной традиции Киццувадны (а именно, лувийцев Киццувадны), с элементами, полученными из обрядовой практики и концепций Арцавы. В самом деле, такое комбинирование лишней раз указывает на «сконструированность» ритуала. Обращает на себя внимание то, что хурритский ритуальный комплекс Киццувадны среди этих *основных* источников для конструирования хеттского подменного ритуала отсутствует; оба этих *основных* источника – лувийские, автор не выделяет особого хурритского пласта и в соответствующей терминологии. Таким образом, получается, что и при конструировании ритуала столичные хеттские специалисты не проявляют особой всеядности и свободы: в данном случае они различают разные этнокультурные комплексы и черпают *основной* материал для ритуала на определенную тему только из одного из них (в данном случае лувийского), но уж тут – независимо от государственных и субэтнических границ, разбивающих на части ареал распространения этого комплекса: годится и Арцава, и лувийцы Киццувадны, причем из разных субареалов этого комплекса свободно черпаются элементы различных обрядов для комбинирования их в один новый. Это опять-таки согласуется с тезисом автора об отсутствии месопотамского влияния на хеттский царский подменный ритуал: коль скоро специалисты, создававшие его, заботились об этнокультурной однородности своего *основного* материала, они не стали бы нарушать ее в пользу Месопотамии, как не нарушили ее в пользу хурритского культурного комплекса (несмотря на все значение этого комплекса для династии в целом). Встает вопрос о том, почему именно лувийский материал оказался так авторитетен для конструкторов ритуала; поскольку появился он поздно, это может быть связано просто с непрерывно растущей в это время ролью лувийцев и лувийского языка в Хатти.

Изложенные и прочие результаты и стройность их обоснования обеспечивают высокое качество и научную значимость работы.

В принятой сейчас традиции научная новизна характеризуется в одном месте (сводно), а положения, выносимые на защиту, – в другом. Однако я приветствую, что автор после каждого положения, выносимого на защиту, указывает, в чем именно его научная новизна (в самом тезисе, в новых аргументах в его пользу, в новых данных на эту тему и т.д.). Это существенно облегчает читателю понимание и оценку места работы в науке, а также наглядно демонстрирует логичность и обоснованность результатов данного научного исследования.

Перейдем к части пожеланий и замечаний, сразу отметив, что они не влияют на оценку квалификационного уровня работы.

Автор систематически говорит о создании хеттского царского подменного ритуала как об изобретении писцов – специалистов Хаттусы. Это не подлежит сомнению, но нам кажется, что было бы полезно несколько подробнее рассмотреть вопрос о том, как распределялась инициатива в этом изобретении – теоретически тут возможны сценарии от того, что какая-то группа таких специалистов решилась попытаться продвинуться, предложив царям идею нового ритуала, до того, что цари в какой-то момент озаботились этим вопросом больше, чем раньше, и дали специалистам соответствующий заказ. Даже если источники не позволяют ответить на этот вопрос, сама его специальная постановка была бы полезна, так как у читателя он возникнет достаточно естественно.

Другое соображение касается вопроса об эпизоде из Хроники ранних царей, и тут необходимо привести вкратце логическую схему соответствующего обсуждения. В новоассирийского времени тексте, приводящем разные эпизоды / «анекдоты» времен далекого прошлого (иногда явно легендаризированные), значится такой эпизод, где фигурируют цари Исина XIX в. до н.э.:

«Царь Эрра-имитти приказал садовнику Эллилль-бани сесть на трон в качестве подмены, надев на чело свое венец царственности. Эрра-имитти умер в своем дворце, заглотив горячую кашу (...). Эллилль-бани, что на троне (тогда) сидел, не поднялся / не сошел / не ушел / никуда не делся (ul it-bi) и на царство установился».

По видимости здесь создается впечатление, что Эллилль-бани просто не очистил трон и остался на нем сидеть по смерти Эрра-имитти. Вполне вероятно, что так это сообщение понимали и составитель текста новоассирийского времени, и его читатели.

Из источников самого XIX века известно, однако, что между Эрра-имитти и Эллилль-бани на престоле числились иные цари, и Эллилль-бани занял его в результате смуты, имевшей место после смерти Эрра-имитти.

На основании одного этого эпизода в литературе выдвигалось мнение, что в Месопотамии II тыс. был распространен подменный царский ритуал, и что именно из нее / под его влиянием хетты создали свой подменный царский ритуал.

Автор указывает, что между Эрра-имитти и Эллилль-бани на престол прорывались иные цари, что, следовательно, впечатление непосредственной смены Эрра-имитти Эллилль-бани не отвечает реальности, а из этого делает вывод, что весь эпизод полностью выдуман кем-то в новоассирийское время для оппозиционной насмешки над ассирийским царским подменным ритуалом, тем самым падает единственное якобы свидетельство наличия подменного царского ритуала в Месопотамии II тыс., и на хеттский ритуал в этом смысле просто нечему было влиять.

С нашей точки зрения, это построение заслуживает более широкого рассмотрения и дополнения.

Если Эллилль-бани был действительно назначен подменной жертвой, но после смерти Эрра-имитти участвовал в смутах и в итоге сел на престол, то уже одного этого хватило бы, чтобы в традиции селективных хроник и назидательных анекдотов этот ход событий стал бы излагаться стяженно, с

опущением подробностей (просто в виде «А посадил Б подменным царем, да сам умер, а Б в итоге стал царем сам»), и в итоге очень скоро его передача могла бы принять форму, создающее впечатление, что Эллиль-бани наследовал Эрра-имитти прямо, и очередные передатчики этой традиции могли бы так и думать (аналогичную стяженность можно найти в Хронике П).

Если же Эллиль-бани еще и выступил с претензиями на престол сразу после смерти Эрра-имитти и формально опирал их на тот факт, что на момент этой смерти был (подменным) царем – то и точные выражения пассажа Хронки окажутся полностью отвечающими действительности (независимо от того, как их понимали читатели в силу компактности изложения):

«Эрра-имитти умер в своем дворце, заглотив горячую кашу (...). Эллиль-бани, что на троне (в тот момент) сидел, *ул итби* «не ушел» (= отказался уходить, объявил себя продолжающим царствование, которым он формально располагал на тот момент, и повел борьбу за реальное им обладание) и (в итоге действительно) на царство установился».

То, сидел ли при этом физически в Исинском дворце на троне, пройдя коронацию, кто-то еще в промежутке между «не ушел» и «установился», на возможности так все это описывать, формально не отклоняясь даже от фактов, не сказалось бы. Интересно, что *ул итби* и Гласснер – Фостер предпочитают тут переводить «не отрекся», «отказался сдавать трон».

Таким образом, наш пассаж в действительности не обязан быть выдумкой, а может точно передавать (или восходить к точной передаче) реальные события XIX в. до н.э.

Тем более он может восходить в легенде самого старовавилонского периода, которая просто из бьющего по воображению сочетания того, что Эллиль-бани побывал подменной жертвой, номинальным царем, а потом стал реальным царем, сплела сюжет, где все это изложено спрессованно, как прямая последовательность событий.

Могла быть и сколь угодно древняя фольклорная история об удачливой подменной жертве, которую привязали к данным именам.

С другой стороны, если бы автор I тыс. стал придумывать историю с подменной жертвой «с нуля» для насмешки над своим временем, неужели он избрал бы для этого в качестве персонажей третьестепенных правителей тысячелетней с лишним давности?

Таким образом, этот эпизод, по нашему мнению, не дает оснований заключать, что в нем выдуманно хоть что-то, тем более не дает оснований заключать, что в нем выдумана сама практика подменных жертв в Исиие XIX в. или что он был «с нуля» выдуман в новоассирийское время, а не восходит к историко-легендарной традиции II тыс.

Вместе с тем все это нисколько не подрывает выводов автора. Исинская ритуальная царская практика вообще была для Месопотамии большим исключением (уже по факту обожествления царей, тотально ликвидированного во всей Месопотамии к середине XVIII в. – ни ассирийские, ни вавилонские, ни Приморские правители не обожествлялись); полное отсутствие других следов таких ритуалов в Месопотамии II тыс. не опровергает истинности данного эпизода (мало ли исключительных локальных или временных ритуальных практик появлялось в Месопотамии разных периодов, примеры такого рода хорошо известны), но показывает, что широкой такой практики не было, так что и влиять на хеттов было действительно нечему (остается удивляться специалистам, которые из этого единственного известного эпизода создали масштабную месопотамскую царскую подменную магию, повлиявшую на хеттов); сам Мурсилис II в Молитве против Таваннанны говорит с особым негодованием о том, что она принесла в Хаттусу вавилонскую магию – вероятно ли, чтобы как раз в его эпоху в Хаттусе ввели бы ответственный царский ритуал, взятый из вавилонской магии?

Таким образом, хотя этот конкретный аргумент автора вызывает у нас возражения и пожелания учесть (и отвести, при желании) эти соображения в диссертации, выводы автора этим никак не поколеблены.

В силу своей высокой научной ценности, доказательности аргументации, корректности постановки проблем и важности выводов, рецензируемое исследование полностью соответствует требованиям к кандидатским диссертациям «Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова».

Таким образом, соискатель Иванов Валерий Алексеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра сравнительного
изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН

Немировский Александр Аркадьевич

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: | № * |
07.00.03 – Всеобщая история

Адрес места работы:

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32,
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: +7(495) 954-44-32; e-mail: vili@igh.ru

Подпись сотрудника ИВИ РАН

А.А. Немировского удостоверяю:
руководитель/кадровый работник

дата 04.12.2024